

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Вторник 26 марта 1946 года, 11 ч. утра Хонтер колледж, Нью-Йорк

Председатель: Г-н ГО Тай-чи (Китай)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции.

7. Предварительная повестка дня (S/20)

1. Утверждение повестки дня.
2. Доклад председателя Комитета экспертов об изменениях, внесенных Комитетом во временные правила процедуры Совета Безопасности (S/6)².
3. Доклад Военно-штабного комитета (S/100).
4. а) Письмо представителя Ирана от 18 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря и его же письмо от 18 марта 1946 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/15)³.
б) Письмо представителя Союза Советских Социалистических Республик от 19 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/16)⁴.
в) Письмо представителя Соединенных Штатов Америки от 20 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/17)⁵.
д) Письмо представителя Ирана от 20 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/18)⁶.

8. Утверждение повестки дня

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Объявляю двадцать пятое заседание Совета Безопасности открытым. Сегодня нам предстоит утвердить повестку дня. Вторым пунктом повестки дня является доклад председателя Комитета экспертов об изменениях, внесенных Комитетом во временные правила процедуры Совета Безопасности (S/6). По этому поводу я хочу зачитать следующее заявление:

На первом заседании Совета Безопасности были приняты временные правила процедуры, рекомендованные Подготовительной комиссией⁷, и одновременно Совет Безопасности учредил Комитет экспертов, в составе одного эксперта от каждого члена Совета Безопасности, для изучения этих правил процедуры и представления о них доклада.

² См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 1а.

³ Там же, приложение 2а.

⁴ Там же, приложение 2б.

⁵ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2с.

⁶ Там же, приложение 2д.

⁷ Там же, Дополнение № 1, приложение 1а, раздел 4.

Комитет экспертов рассмотрел временные правила процедуры и представил Совету Безопасности доклад, который содержится в документе S/6. Этот доклад был предложен на рассмотрение Совета Безопасности на его последнем заседании в Лондоне. Совет считал тогда целесообразным отложить рассмотрение доклада до созыва Совета Безопасности в новом расположении Центральных учреждений Организации. Было также признано желательным дальнейшее рассмотрение временных правил процедуры Комитетом экспертов в свете дискуссий, имевших место в Совете Безопасности на его заседаниях в Лондоне.

Д-р Лян, председатель Комитета, сообщил мне, что Комитет дважды собирался в Нью-Йорке, но еще не закончил своей работы. Поэтому мне кажется, что нам следует опять отложить рассмотрение документа S/6 до завершения Комитетом экспертов своей работы.

Г-н БОННЭ (Франция) (говорит по-французски): Но вопрос остается все же на повестке дня. Откладывается ли рассмотрение этого вопроса до следующей сессии Совета или же просто до одного из последующих заседаний?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Этот вопрос может быть поднят в любое время. Мы находимся в непрерывной сессии. Как только Комитет экспертов закончит свою работу по этому документу, мы его обсудим.

Имеются ли какие-нибудь другие замечания? Если нет, то предложение это принимается.

Пункт 2 предварительной повестки дня принимается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Третий пункт нашей предварительной повестки дня — доклад Военно-штабного комитета. Этот доклад был также представлен Совету Безопасности на его последнем заседании в Лондоне, и тогда было решено отложить рассмотрение этого доклада до тех пор, пока Совет не соберется в новом расположении Центральных учреждений Организации. Но Совет предложил Комитету экспертов предпринять рассмотрение доклада Военно-штабного комитета в предварительном порядке⁸. Комитет экспертов не мог еще закончить изучение этого документа, и я полагаю, что было бы также правильно отложить рассмотрение этого пункта повестки дня до того времени, когда мы будем иметь перед собой замечания Комитета экспертов. Этот пункт может также быть рассмотрен в любое время.

Есть ли у кого-либо из членов Совета какие-нибудь замечания, которые он желал бы сделать по этому поводу? Если нет, то предложение принято.

⁸ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, № 1, стр. 193.

Пункт 3 предварительной повестки дня принимается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Теперь мы переходим к четвертому пункту повестки дня.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Советская делегация на Конференции в Сан-Франциско, а также на первой сессии Генеральной Ассамблеи, состоявшейся в начале этого года в Лондоне, уже имела возможность изложить позицию советского правительства по отношению к Организации Объединенных Наций. В своих заявлениях советская делегация особенно подчеркивала роль Совета Безопасности, как важнейшего органа, призванного обеспечить всеобщий мир и безопасность. Вряд ли следует упоминать о том, что позиция моего правительства по отношению к Организации Объединенных Наций и к задачам, которые стоят перед Организацией, не изменилась.

О том, что эта позиция остается неизменной, красноречиво свидетельствует факт интервью председателя Совета министров Советского Союза Генералиссимуса Сталина, данного корреспонденту американского телеграфного агентства Associated Press 19 марта сего года. В этом интервью, как известно, Генералиссимус Сталин заявил о том, что он придает «большое значение Организации Объединенных Наций, поскольку она является серьезным орудием сохранения мира и международной безопасности». Подчеркнув, что сила международной организации заключается в том, что «она основана на принципе равноправия стран, а не на принципе господства некоторых стран над другими», Генералиссимус Сталин выразил надежду, что при соблюдении этого принципа равноправия Организация Объединенных Наций несомненно сыграет положительную роль в деле обеспечения всеобщего мира и безопасности.

Это заявление является определением отношения правительства моей страны к Организации Объединенных Наций. Оно, вместе с тем, является громадным вкладом в великое дело поддержания мира и безопасности народов.

Сделав это общее замечание, я хочу теперь коснуться вопроса о предварительной повестке дня, предложенной на рассмотрение Совета Безопасности.

Я хотел бы сделать предложение, относящееся к вопросу, поставленному перед Советом Безопасности иранским послом в Вашингтоне г-ном Гуссейн Ала в его письме от 18 марта сего года. Я не буду приводить текста этого письма или повторять его содержание, так как оно хорошо известно членам Совета Безопасности.

Мое предложение состоит в следующем. Вопрос, который был затронут иранским послом в вышеупомянутом письме, не заслуживает того, чтобы быть включенным в повестку дня Совета Безопасности. Я хочу мотивировать это предложение.

Я хочу прежде всего сделать официальное сообщение Совету Безопасности о том, что в результате имевших место переговоров между советским и иранским правительствами была достигнута договоренность об эвакуации советских

войск из всех районов Ирана, в которых они еще оставались. Как известно, эвакуация советских войск вообще была начата 2 марта сего года. Эвакуация войск из остальных районов Ирана, в соответствии с вышеупомянутой договоренностью между советским правительством и правительством Ирана, началась 24 марта, т. е. два дня тому назад, и предположительно должна закончиться в течение 5-6 недель, если не случится ничего непредвиденного.

В последнее время, как известно, вопрос о советско-иранских отношениях кое-кто пытался использовать для сгущения политической атмосферы. Этому в значительной мере способствовали действия известных политических групп, которые занимаются пропагандой новой войны и сеют семена раздора и недоверия. Нет сомнения, что решение советского правительства, о котором идет речь, еще раз отчетливо и ясно подчеркивает неизменную миролюбивую политику моей страны и является убедительным ответом всем тем, кто пытается скрыть свои собственные агрессивные планы и с этой целью злоупотребляет свободой слова против интересов мира и безопасности народов.

В настоящее время я не буду подвергать анализу необоснованность аргументации, приведенной в письмах иранского посла на имя Генерального Секретаря, ибо сейчас не стоит вопрос обсуждения существа заявления посла. В настоящее время я ограничиваю свои задачи доказательством того, что в связи с упомянутой мною договоренностью советского правительства и правительства Ирана нет никаких оснований для постановки так называемого «иранского вопроса» вновь перед Советом Безопасности, а следовательно нет никаких оснований для включения этого вопроса в повестку дня Совета.

Вопреки заявлению иранского посла, сделанному в его письме от 18 марта, в котором вообще не упоминается о ведущихся переговорах между советским и иранским правительствами, и вопреки заявлению, сделанному послом во втором письме, будто бы переговоры, имевшие место ранее, потерпели крах, факт продолжения советско-иранских переговоров подтвержден. Он подтвержден советским правительством, сделавшим заявление о вышеупомянутом решении, принятом в результате этих переговоров. Он подтвержден также и иранским правительством, иранским премьер-министром г-ном Гавам-эс-Салтанэ 23 марта сего года в его заявлении, переданном агентством Associated Press. Следовательно, мы имеем два совершенно неоспоримых факта, которые собственно и должны предпретить вопрос о том, заслуживает ли поставленный иранским послом вопрос того, чтобы быть включенным в повестку дня Совета Безопасности. Правильное решение можно принять только имея в виду, во-первых, факт наличия переговоров между иранским и советским правительствами, переговоров, наличие которых отрицал иранский посол, и, во-вторых, факт достижения договоренности между обоими правительствами, в результате которой советское правительство приняло решение, о котором я сделал заявление.

Можно ли, имея перед собой эти факты, требовать включения в повестку дня Совета Без-

опасности так называемого «иранского вопроса»? Я отвечаю, что нет никаких оснований требовать включения этого вопроса в повестку дня. Такое требование находилось бы в явном противоречии с существующим положением вещей и не может быть ничем оправдано.

Далее, согласно резолюции от 30 января сего года, принятой Советом Безопасности в Лондоне, разрешение советско-иранских разногласий передавалось обеим заинтересованным сторонам при помощи непосредственных переговоров между ними. Именно такие переговоры и последовали после внесения Советом Безопасности упомянутой мною резолюции. Переговоры принесли положительные результаты. Как же можно при таких условиях оправдать включение обсуждения иранского вопроса в повестку дня Совета Безопасности? Требование о включении вновь в повестку дня Совета Безопасности иранского вопроса находится не только в противоречии с фактами, с действительностью, но и в противоречии со смыслом и духом резолюции Совета Безопасности, принятой 30 января сего года.

Именно исходя из вышеизложенных мотивов и соображений, я вношу предложение о невключении вопроса, поднятого иранским послом в его письме от 18 марта сего года, в повестку дня Совета Безопасности. Я вношу это предложение в надежде, что Совет Безопасности внимательно и объективно подойдет к рассмотрению данного предложения в свете той обстановки и тех событий, которые происходят в настоящее время и которые полностью оправдают предложение о невключении этого вопроса в повестку дня Совета Безопасности.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) *(говорит по-английски)*: Я не могу согласиться с представителем Союза Советских Социалистических Республик и не могу поддержать предлагаемую им поправку к повестке дня.

Факты, с которыми приходится считаться Совету Безопасности, заключаются в том, что иранское правительство через своего представителя обратило внимание Совета Безопасности на спор между Ираном и СССР, который, по заявлению иранского правительства, представляет собой возможную угрозу международному миру и безопасности. Иранское правительство далее заявило, что, вопреки условиям договора от 29 января 1942 года, советское правительство продолжало держать свои войска на иранской территории после 2 марта. В своем письме Совету Безопасности иранское правительство далее заявляет, что советское правительство продолжает вмешиваться во внутренние дела Ирана через посредство советских агентов, должностных лиц и вооруженных сил.

Иранское правительство через своего представителя указало на эти факты как на новые обстоятельства, возникшие после решения, принятого Советом Безопасности 30 января.

Сегодня представитель СССР заявляет, что соглашение состоялось. Если это сведение правильно, то правительство СССР должно было представить на рассмотрение Совета Безопасности совместное заявление иранского правительства и правительства СССР о том, что достигнуто согла-

шение и что они просят о прекращении дальнейшего рассмотрения этого вопроса. Но этого не случилось. Иранское правительство не взяло обратно своего письма.

Хотя мы и старались установить факты, мы не получили от иранского правительства сведений о состоявшемся соглашении.

Поэтому, когда государство-член Организации Объединенных Наций заявляет Совету Безопасности о наличии ситуации, которая может угрожать всеобщему миру и безопасности, мы не можем отказать этому государству в возможности быть заслушанным и сказать нам, было ли достигнуто соглашение и желает ли это государство взять свою жалобу обратно.

Если это не так, то тогда любому правительству, представленному в Совете Безопасности, на которое была бы подана жалоба, стоило бы только заявить Совету, что состоялось соглашение, и на основании этого заявления потребовать, чтобы подавшему жалобу правительству было отказано в возможности быть заслушанным.

Все, что имеется сейчас в виду, — это принятие повестки дня, которая дала бы иранскому правительству возможность сообщить факты, представляющие, по его мнению, угрозу международному миру. Совет Безопасности не может, конечно, отказать ни одному члену Организации Объединенных Наций в возможности подать такого рода заявление, если это делается в полном соответствии с положениями Устава.

Если соглашение состоялось, то Совет Безопасности несомненно пожелает услышать об этом от представителя иранского правительства. Если соглашение состоялось, то мы имеем основание полагать, что представитель иранского правительства сделает заявление относительно этого соглашения. Мы должны включить этот вопрос в повестку дня; мы должны предоставить иранскому правительству возможность сообщить, состоялось ли действительно это соглашение.

Если между иранским правительством и правительством СССР не существует полного соглашения, то этот факт выяснится, когда обеим сторонам в споре будет предоставлена возможность сделать свои заявления. Когда это будет сделано, Совет Безопасности сможет рассмотреть этот вопрос и установить, возможно ли достижение полного соглашения путем принятия Советом Безопасности тех или иных мер. Но Совет никоим образом не может отказать члену Организации Объединенных Наций, заявляющему о наличии ситуации, которая может создать угрозу международному миру и безопасности, хотя бы в возможности представить объяснения по данному вопросу.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) *(говорит по-английски)*: Прежде всего я должен сказать, что я всецело поддерживаю то, что было сказано представителем Соединенных Штатов. Я считаю, что мы не можем отказать от включения этого вопроса в повестку дня.

Как я понимаю, в этом вопросе две фазы. Первая фаза — это та, которая обсуждалась на сессии Совета в Лондоне. Это обсуждение привело к принятию резолюции от 30 января, при-

глашающей стороны попытаться вступить в непосредственные переговоры и предлагающей им сообщить Совету о всех результатах, которые будут достигнуты в этих переговорах. Текст этой резолюции заканчивается следующей фразой: «Тем временем Совет сохраняет за собой право запросить в любой срок сведения о ходе переговоров».

Если я правильно понимаю, письмо представителя Соединенных Штатов от 20 марта представляет собой запрос о сведениях относительно хода этих переговоров. В нем говорится, что «в связи с рассмотрением этих писем», — это те новые письма, которые касаются новой фазы данного вопроса, — «Ирану и СССР следует предложить представить доклад о ходе тех переговоров, которые могли иметь место между ними, согласно резолюции Совета Безопасности, принятой 30 января 1946 года».

Таким образом, есть также и другая фаза этого вопроса, начало которой было положено недавними письмами представителя Ирана и которая касается оставления советских войск на иранской территории после даты, предусмотренной договором 1942 года.

Что касается первого вопроса, т. е. переговоров, начатых в результате резолюции от 30 января сего года, то представитель СССР сообщил нам, что эти переговоры закончились соглашением, и спросил, чем можно оправдать включение этого вопроса — «так называемого иранского вопроса» по его выражению — в повестку дня. Мне казалось бы, что если обе заинтересованные стороны благополучно достигли соглашения, то было бы естественно, чтобы они явились сюда, заявили Совету Безопасности о достигнутом соглашении, а со временем представили бы даже копию этого соглашения со всеми его условиями.

Я надеюсь, что нам будет дана возможность услышать подобный доклад об имевших место переговорах как от представителя СССР, так и от представителя Ирана.

Переходя теперь к тому, что я называю второй фазой вопроса, т. е. к оставлению советских войск в Иране, я должен сказать, что этому вопросу мое правительство придает особое значение, так как оно, как известно, является одной из сторон, подписавших трехсторонний договор 1942 года. По собственному признанию одна из сторон в этом договоре еще не ушла с территории другой стороны, и нам сообщают, что достигнуто соглашение, которое вносит явное изменение в заключенный ранее договор. Некоторое время тому назад мы обратились к правительству СССР с просьбой об объяснении, но насколько мне известно не получили до сих пор никакого ответа. Я должен указать, что договор 1942 года налагал на СССР определенное и безусловное обязательство вывести свои войска.

Теперь нам сообщают, что достигнуто новое соглашение, но из сказанного сегодня утром представителем СССР видно, что оно как будто предусматривает эвакуацию войск к какому-то приблизительному сроку — при условии, что не случится ничего непредвиденного. Как я уже сказал, это представляет собой некоторое отклонение от первоначального обязательства, совер-

шенно безоговорочного. Мы приняли это обязательство безоговорочно и мы его выполнили. Мы вывели все свои войска с территории Ирана в условленном сроку.

Я надеюсь поэтому, что Совет Безопасности получит возможность ознакомиться со всеми положениями того или иного соглашения, которое могло состояться, тем более что оно заключено в то время, когда иностранные войска все еще находятся на иранской территории.

Я сказал, что существуют два значения этого вопроса, и я их объяснил. Но есть еще и третье значение, быть может более важное, хотя по моему только косвенно связанное с этим вопросом. Это — вопрос о доверии, вопрос о доверии в том, что святость договоров будет соблюдаться. Я думаю, что именно это значение вопроса и повлияло главным образом на общественное мнение, и я не верю, что мы сможем восстановить это доверие, если здесь, за столом Совета Безопасности, не будет полного и откровенного обсуждения всех фактов.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Непосредственно стоящий перед нами вопрос — весьма прост. Генеральный Секретарь совершенно правильно включил этот вопрос в предварительную повестку дня, как один из пунктов, подлежащих нашему рассмотрению.

Теперь мы поставим себе два вопроса. Первый вопрос: входит ли предмет этого предполагаемого спора в компетенцию Совета? По-моему, на этот вопрос следует ответить — да. Второй вопрос: правильно ли был внесен этот вопрос в Совет Безопасности? На это следует тоже ответить — да. В первоначальном письме от 19 марта на имя Генерального Секретаря были названы две стороны спора. Только одна из этих сторон просила о невключении именно этого пункта в повестку дня. У нас нет никаких сведений, никаких доказательств.

Поэтому, по мнению австралийской делегации, этот вопрос должен быть включен в повестку дня.

ХАССАН-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Я хочу сказать лишь несколько слов. До сих пор мы слышали только одну версию вопроса, а теперь в дело вступает еще и третий участник. Я думаю, что до того, как мы сможем составить правильное мнение, мы должны выслушать и другую версию вопроса, а эта версия может быть сообщена нам только представителями Ирана.

По-моему, вопрос надо разделить на две части. Во-первых, необходимо решить, следует ли этот вопрос вносить на рассмотрение Совета. Я считаю, что следует.

Во-вторых, заслушав вторую сторону, надо решить, должен ли Совет оставить этот вопрос на своей повестке дня. Мы можем прийти к решению о том, следует ли оставить этот вопрос на повестке дня, только получив разъяснения второго участника в данном споре.

Мы являемся своего рода трибуналом, и ни один трибунал не может вынести сколько-нибудь справедливого решения до тех пор, пока не будут выслушаны обе спорящие стороны. Вот почему делегация Египта полагает, что было бы

целесообразно, не предвещая исхода дела, разрешить представителю Ирана изложить свою версию вопроса. После того как представитель Ирана даст свои пояснения, Совет сможет решить, надо ли оставить вопрос на повестке дня.

У меня есть еще один вопрос, который я, с разрешения Председателя, добавлю к своему заявлению в конце заседания.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): При обсуждении этого вопроса Совет Безопасности не вполне свободен принимать любое желательное для него решение. Совет связан, во-первых, Уставом, а во-вторых — ранее принятой им резолюцией. Поэтому, каким бы наше решение ни было, оно должно соответствовать этим двум условиям.

Устав указывает на тот дух великодушия, которым мы должны руководствоваться при рассмотрении наших проблем. Он говорит, что при наличии спора стороны должны «прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, исследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или иными мирными средствами по собственному выбору». Это статья 33.

Затем мы связаны резолюцией от 30 января, в которой говорится, что Совет предложил сторонам сообщить ему о результатах, которые будут достигнуты в этих переговорах. Тем временем Совет сохраняет за собой право запросить в любое время сведения о ходе переговоров. Нам надлежит действовать в пределах, установленных этими двумя текстами.

Теперь мы узнаем от представителя СССР, что достигнуто соглашение. Он сообщил нам об этом официально. С другой стороны, вторая заинтересованная сторона — иранское правительство — до сего времени не представила нам никаких сведений такого рода. До сих пор мы имеем лишь заявление одной стороны. Это положение ясно, но чтобы мы официально приняли к сведению, что достигнуто соглашение, обе стороны должны об этом заявить.

Вопрос, однако, заключается в том, в какой форме мы должны просить иранское правительство о таком заявлении.

Четвертый пункт предварительной повестки дня предлагает, чтобы мы признали наличие спора и пригласили представителя Ирана на заседание Совета для обсуждения с нами этого вопроса. Я думаю, что мое правительство не может согласиться с этой точкой зрения, так как это по существу было бы равносильно непризнанию заявления одной из сторон, в котором официально объявлено о достижении соглашения и об устранении причин, вызвавших разногласия в период лондонских заседаний.

Мне кажется, что нормальной процедурой для нас было бы запросить сведения, но не путем внесения вопроса в повестку дня настоящего заседания, что влекло бы за собой допущение представителя Ирана на заседание в качестве стороны существующего спора, а какими-то другими путями. У Совета Безопасности такие пути есть. Совет может либо сам непосредственно запросить о сведениях на основании резолюции от

30 января, либо могут сделать это по собственному почину правительства, представленные в Совете Безопасности. У нас есть способы получения сведений, не прибегая к признанию существования спора и не выражая тем самым косвенно сомнений в правдивости заявления, сделанного представителем СССР.

В прошлом мы придавали повестке дня два толкования. Документ S/Procedure/12⁹ на второй странице говорит, что термин «повестка дня» применялся в двух смыслах: во-первых, как повестка дня определенного происходящего в данный момент заседания, а во-вторых — как список вопросов, подлежащих рассмотрению Советом Безопасности на данном или на одном из будущих заседаний.

Поэтому я вношу предложение, чтобы вопрос был снят с повестки дня данного заседания до тех пор, пока Совет Безопасности по собственному почину или по почину правительств, в нем представленных, не получит надлежащего подтверждения или опровержения заявления, сделанного нам одной из сторон этого спора, и чтобы вопрос был оставлен на повестке дня во втором ее значении, т. е. в списке вопросов, подлежащих рассмотрению Совета Безопасности. Мы должны оставить этот вопрос на повестке дня во втором ее значении, так как мы связаны резолюцией от 30 января, которая требует, чтобы стороны сообщили Совету о тех или иных результатах ведущихся переговоров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Правильно ли я понимаю представителя Польши, что он предлагает снять иранский вопрос с повестки дня сегодняшнего заседания, но оставить его на повестке одного из будущих заседаний Совета? Так ли это?

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Мое предложение заключается в том, чтобы иранская жалоба была снята с повестки дня настоящего заседания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Это значит — сегодняшнего заседания. Но ведь сегодняшнее заседание почти закончено.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Нет, это не соответствует смыслу документа S/Procedure/12. Как я правильно толкую этот документ, он ясно указывает на данное заседание, на данную сессию. Он говорит о двух значениях термина «повестка дня».

Кроме того, я предлагаю, чтобы Совет Безопасности запросил тем временем иранское правительство о подтверждении или опровержении заявления делегации СССР, что спор закончен. Если же Совет Безопасности предпочтет этого не делать, то в таком случае это могут сделать представленные здесь правительства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я хочу указать на то, что слово «сессия» довольно сбивчиво: ведь мы находимся в непрерывной сессии.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Документ S/Procedure/12 говорит об оп-

⁹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 1b.

ределенном заседании, но это конечно не означает определенного времени — скажем, до 1 часа дня сегодня. Я хочу дать пример того, что под этим подразумевается. У нас имеется вопрос о принятии Албании. Он включен в повестку дня во втором ее значении. Он не включен в повестку дня этого определенного заседания, происходящего в данный момент. Я прошу, чтобы в отношении обсуждаемого нами вопроса было поступлено подобным же образом.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Мне кажется, что представитель Польши представил дело в несколько сложном виде. Возможно, что мое чувство процедурных тонкостей недостаточно развито, но я хочу представить этот вопрос в наиболее простом виде. Я считаю, что, как указал египетский коллега, вопрос этот весьма прост. То, что сейчас нами обсуждается — это не является вопросом существа; это просто вопрос, который по-французски называется кажется «la question préalable» — предварительный вопрос: должен ли быть включен в повестку дня иранский вопрос. Это все.

Я полагаю, что это вопрос, который несомненно затрагивает не только Союз Советских Социалистических Республик, но также и Иран, и если это, как я думаю, неоспоримо, — то тогда все, что мы должны сделать и что фактически мы обязаны сделать, это применить Устав, но не статью 33, которая относится к переговорам, в данный момент нас не интересующим, а статью 31, которая гласит:

«Любой член Организации, который не является членом Совета Безопасности, может принять участие, без права голоса, в обсуждении любого вопроса, внесенного в Совет Безопасности, во всех тех случаях, когда Совет Безопасности находит, что интересы этого члена Организации специально затронуты».

Я считаю, что нам остается только применить это весьма простое правило.

Г-н КАСТИЛЬО-НАХЕРА (Мексика) (*говорит по-французски*): Согласно принятому в Лондоне Советом решению, обе стороны должны представлять Совету Безопасности сведения. Одна из сторон только что это сделала, и мы выслушали представителя СССР. Проще всего было бы сейчас и второй стороне представить свои сведения, иначе говоря — чтобы мы выслушали представителя Ирана.

Представитель Польши упомянул о решении, принятом в Лондоне. Вопрос этот весьма прост, как правильно отметил представитель Египта: раз мы выслушали одну сторону, мы должны выслушать и другую. Кроме того, у меня было намерение сослаться на статью 31 Устава, что только что было сделано представителем Нидерландов.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я выслушал внимательно заявления некоторых членов Совета Безопасности, в том числе представителей Соединенных Штатов и Соединенного Королевства. Смысл первой части заявления г-на Бернса сводится к следующему: раз Совет Безопасности получил какое-то сообщение от правительства, являющегося чле-

ном Организации Объединенных Наций, тем самым факт получения такого сообщения или заявления является будто бы уже достаточным для того, чтобы Совет Безопасности рассматривал это заявление. С такой концепцией я, к сожалению, не могу согласиться и не разделяю этой точки зрения. Она находится в противоречии со смыслом соответствующих статей Устава Организации Объединенных Наций.

Статья 34 Устава говорит следующее: «Совет Безопасности уполномочивается расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности». Я подчеркиваю слова: «не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности».

Первый пункт статьи 35 Устава Объединенных Наций гласит: «Любой член Организации может довести о любом споре или ситуации, имеющей характер, указанный в статье 34, до сведения Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи». Статью 34 я только что процитировал.

Основной смысл этих статей Устава состоит в том, что любой член Организации Объединенных Наций может довести до сведения Совета Безопасности о любом споре или любой ситуации, которая угрожает или может составлять угрозу поддержанию международного мира и безопасности. Есть ли основание утверждать, что просьба, выраженная в письме иранского посла от 18 марта, является убедительной и должна подлежать рассмотрению Советом Безопасности? Я отвечаю на этот вопрос отрицательно. Нет никаких оснований считать, что положение, которое существовало и существует в Иране, чревато осложнениями, могущими привести к нарушению международного мира и безопасности. А раз так, то следовательно нет условий, которые необходимы, для того чтобы Совет Безопасности мог принять к рассмотрению обращение иранского посла, и следовательно нет условий, для того чтобы включить поставленный им вопрос в повестку дня Совета Безопасности.

Я хочу напомнить членам Совета, что вообще Совет Безопасности до настоящего времени получил ряд писем и обращений, которые он, однако, не счел возможным и не нашел целесообразным включить в повестку дня для рассмотрения. Такие обращения Совет Безопасности может получать и в дальнейшем. Не всякие обращения Совет может принимать к рассмотрению, а лишь те, необходимость рассмотрения которых диктуется соответствующими положениями Устава Организации.

Как я уже указал в начале моего настоящего сообщения, я не буду касаться существа поднятого представителем Ирана вопроса, ибо сейчас мы обсуждаем не существо этого вопроса, а процедурную сторону этого дела, в связи с предложением, которое я сделал. Именно этот процедурный аспект и является объектом нашей дискуссии в настоящее время.

Я вновь обращаю внимание членов Совета Безопасности на тот факт, что положение измени-

лось с того времени, как иранский посол отправил свое письмо от 18 марта сего года на имя Генерального Секретаря. После этого, как я уже официально заявил, была достигнута договоренность между советским и иранским правительствами. В результате этой договоренности начался два дня тому назад вывод советских войск, оставшихся до настоящего времени в Иране. Можно ли игнорировать этот факт и в то же время быть объективным? Разумеется нельзя.

Г-н Бернс и г-н Кадоган в своих выступлениях выразили сомнение, насколько заявление советского правительства о результатах, достигнутых в ходе переговоров с иранским правительством, точно отражает положение и насколько оно соответствует действительности. Я должен заявить, что нет никаких оснований для такого рода сомнений. Если даже допустить, что г-н Бернс и г-н Кадоган сомневаются в том, разделяет ли иранское правительство то сообщение, которое было сделано советским правительством, то факт сомнений г.г. Бернса и Кадогана является недостаточным основанием, для того чтобы требовать включения рассмотрения в повестку дня иранского вопроса. Была бы известная логика в том, если бы те члены Совета Безопасности, которые имеют такого рода сомнения, могли доказать, что сообщения о результатах переговоров неточно отражают положение, чего в самом деле нет, и, приведя эти факты, требовать включения иранского вопроса в повестку дня Совета Безопасности. Но ведь никаких таких фактов у Бернса и Кадогана не имеется. А раз нет таких фактов, то, следовательно, нет никаких оснований сомневаться в правдивости сообщения советского правительства. Я должен заявить категорически, что не могу согласиться с утверждениями Бернса и Кадогана о том, будто бы заявление советского правительства может вызвать сомнения в смысле его правдивости.

Г-н Кадоган заявил, что ему не нравится та часть заявления советского правительства, в которой говорится, что оставшиеся в Иране советские войска будут выводиться в течение пяти-шести недель, если не случится ничего непредвиденного. Ему не нравится последняя часть этой формулировки. Г-н Кадоган хочет подвергнуть обсуждению на заседании Совета Безопасности эту формулировку с целью, как он заявляет, выяснить, что это за непредвиденные обстоятельства, которые могут возникнуть. Но дискуссия на эту тему была бы просто потерей времени. Непредвиденные события и обстоятельства потому и называются непредвиденными, что их невозможно предвидеть. Будем ли мы развер-

тывать дискуссию на эту тему, или нет? К сказанному я могу прибавить, что формула, которая не нравится г-ну Кадогану, выгодно отличается от формулировки британского представителя по вопросу о выводе английских войск из Сирии и Ливана. Я напомню, что британский представитель на заседании Совета Безопасности в Лондоне упорно сопротивлялся какому бы то ни было упоминанию о сроке вывода британских войск из Сирии и Ливана.

Я хочу сделать последнее замечание в связи с выступлениями некоторых членов Совета Безопасности. Это замечание относится к заявлению г-на Кадогана о том, что резолюция Совета Безопасности от 30 января сего года предусматривает, что обе стороны должны информировать Совет Безопасности. В том факте, что такая информация еще не поступила от иранского правительства, он видит оправдание для включения вновь иранского вопроса в повестку дня.

Я уже указывал на заявление иранского премьера г-на Гавам-эс-Салтанэ, выразившего надежду на благоприятный исход переговоров между советским правительством и правительством Ирана. В этом заявлении он ясно указал на то, что требование иранского посла г-на Гуссейна Ала о немедленном рассмотрении иранского вопроса было сделано без его ведома. После этого заявления премьера было сделано сообщение советского правительства о выводе советских войск из Ирана. Если при наличии всех этих фактов г.г. Бернс и Кадоган настаивают на включении иранского вопроса в повестку дня и на его немедленном рассмотрении, то похоже на то, что г.г. Бернс и Кадоган являются в большей степени иранцами, чем сами иранцы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я думаю, что прения по этому чисто процедурному вопросу смогут быть окончены на этом заседании, но так как представители Египта, Соединенных Штатов и Мексики заявили о своем желании выступить и ввиду того что могут оказаться и другие ораторы, я предлагаю отложить заседание на завтра в три часа дня, если против этого не имеется возражений.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я позволяю себе заявить, что было бы целесообразно покончить с этим вопросом сегодня, если против этого нет особо веских возражений. Мы можем сейчас закрыть заседание и возобновить наши прения после завтрака.

Заседание закрывается в 1 ч. 40 м. дня.